

ПИСЬМА О РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

О РОССИЯДЕ, ПОЭМЕ Г. ХЕРАСКОВА

<письмо к девице>

<в сокращении>

...Нет сомнения, что г. Мерзляков предпринял полезный труд, разобрав Россияду; жаль только, что она не может стоять наряду с произведениями, обессмертившими имена своих сочинителей. Я думаю, даже не многие имели терпение прочитать ее. От чего же ее так хвалят? От того, что вкус публики у нас еще не установился. Дамон прославляет *Нового Стерна* — десять человек, не читавших даже сей комедии, с ним соглашаются; Клит называет его сочинением глупым — и сотни готовы повторить его ругательства. Бесспорно, Сумароков был единственным стихотворцем своего времени, но кто станет ныне восхищаться его сочинениями? Между тем Сумарокова считают стихотворцем образцовым, достойным нашего подражания. Закоренелые мнения опровергать трудно: это то же, что силиться вырвать огромный дуб, в продолжение целых веков пускавший в недра земли свои корни. Конечно, сии мнения ослабеют и совершенно лишатся своего достоинства, но это требует времени. Между тем истинные дарования остаются иногда в неизвестности. Тысячи рукоплещают при представлении *Недоросля*; но многие ли понимают истинные достоинства сей комедии? Многие ли знают, что она достойна стоять наряду с *Мизантропами* и *Тартюфами*? Не стыдно ли даже нам, что мы не имеем полного собрания сочинений г. Фонвизина, сего бессмертного писателя, коим по всей справедливости мы можем гордиться. То, что я сказал о Сумарокове, можно отнести к Хераскову и к некоторым другим стихотворцам. Они приобрели похвалы от своих современников, коих вкус был еще необразован. Сии похвалы беспрестанно повторялись, и стихотворцы приобрели великую славу. Не понимаю, как могли лучшие наши писатели удивляться Россияде? Вы помните, думаю, сии стихи г. Дмитриева:

Пускай от зависти сердца в Зоилах ноют.
Хераскову они вреда не нанесут:
Владимир, Иоанн щитом его покроют
И в храм бессмертья проведут.

Я не намерен разбирать Россияды; предложу только некоторые замечания в отношении к главным правилам эпической поэзии. Вы увидите, что Херасков менее всех стихотворцев наблюдал их. Поэмы его можно уподобить трагедиям Шекспира; но в сем последнем находят порывы пиитического гения, коих недостает у Хераскова.

Главное достоинство поэмы состоит в высоте ее предмета. Это найдете вы во всех главных стихотворцах. Гомер воспевает взятие Трои, Вергилий основание своего отечества, Тасс взятие Святого града, Мильтон падение праотцев. Херасков намерен петь разрушение Казани. Предмет сей может ли быть великим? Всякий, несколько знающий историю России, скажет противное. Казань никогда не находилась на такой степени величия, чтобы могла быть страшной для России. Она даже несколько раз получала царей от руки российских самодержцев. В этом согласен и сам Херасков:

•   Колико краше они (казанцы) покорством мир купили
              И клятву, данную России, преступили?

Иоанн, наскучив частыми ее возмущениями, решился покорить ее, и успех увенчал его желание. Теперь скажите, милостивая государыня, покорение Казани, имело ли сильное влияние на Россию, и достоин ли сей предмет такого пышного начала:

Пою от варваров Россию свободенну,
Попранну власть татар и гордость низложенну,
Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
России торжество, разрушенну Казань.
Из круга сих времен спокойных лет начало,
Как светлая заря в России воссияло.

От каких варваров освободилась Россия? Чью власть она попраля? И почему именно началась в России заря спокойствия? Казань взята. Это столь же обыкновенное происшествие, как, например, падение Польского королевства, отторжение от Швеции Финляндии; но разве сии оба происшествия могут быть предметами поэмы. Так отчего же происходит такая ошибка Хераскова?— От незнания истории. Он хотел воспеть освобождение России от ига татар — и воспел взятие Казани. Золотая Орда и Казанское царство, по его мнению, есть одно и то же; оттого то взятие Казани почитал он совершенным освобождением России от татарского ига. Самое название поэмы *Россиядою* не ясно ли уже то доказывает? Победа великого князя Иоанна Васильевича I над ханом Ахметом была для него еще несовершенным освобождением России; он даже вме-

сто татар Золотой Орды поставляет казанцев. Вот место из его описания собравшихся войск в Коломне:

С тех мест народ, Угра где с шумом протекает;
Там храбрость Иоанн на веки утвердил,
Когда при сих берегах казанцев победил.
Песн. VI, ст. 80—82.

Все речи находившихся в Совете бояр ясно доказывают, что они идут свергать иго татар. Иоанн говорит:

Отважиться ли нам с ордами к *трудной брани*,
Иль в страхе погребстись и им *готовить дани*?
Песн. II, ст. 78 и 79.

Вот слова Курбского:

Не робкими нам быть, но храбрыми полезно.
Орды ужасны нам, ужасны будем им.
Ужасны, ежели мы леность победим;
Отмстим за прадедов, за сродников несчастных,
За нас самих отмстим ордам до днесь *подвластных*.
Песн. II, ст. 199—203.

Сумбека приходит в таинственный лес, где лежали тела казанских царей: Батья, Сартака, Буркая, Менгутемира Узбека, Нагая, Джанибека, Хадир-Хана, Мамая и Сафак-Гирея. Известно, что, кроме последнего, все они владели не Казанью, а Золотую Ордою *. И Нигрин говорит:

Хошу я дочь мою к *Златой Орде* отправить,**

то-есть в Казань. Все это не довольно ли доказывает, что Херасков смешал Казань с Золотую Ордою, и взятие одной считал освобождением России.

...Теперь, я думаю, вы согласитесь, что предмет Россияды не достоин эпической поэмы. Если же он не заключает в себе великости, то тем менее может быть для вас занимателен. Не спорю, наша история изобилует великими происшествиями, примерами великодушия, мудрости, благоразумия; но я не думаю, чтобы из них можно было бы написать поэму без нарушения правдоподобности. Сии происшествия еще к нам так близки, что малейшая смелость против исторической точности будет ощутительна. Если ж стихотворец захочет наблюдать всю возможную точность, то его поэма сделается надутою реляцією, лишенною тех красот, коим мы удивляемся в древних образцах сего рода. Единство предмета в Россияде не довольно сохранено, ибо в продолжение большей части поэмы мы теряем из виду Иоанна. Впрочем, этот недостаток находят и в Илиаде.

* Песнь IV, ст. 78—195.

** Песнь XI, ст. 691.

Эпизоды, кои служат украшением поэм, обыкновенно бывают в них такими местами, где гений и дарования стихотворца являются в полном их блеске. Тщетно будете искать их в Россияде. Похождения Сумбеки с Алеем не могут назваться эпизодом: это есть часть главного действия; а любовь Османа и Эмиры, взаимное умерщвление трех рыцарей и Рамиды и чудесное превращение их в змей весьма не занимательны. При том же мы знаем только о побеге Эмиры; любопытных же обстоятельств о ее любви и что с нею случилось после оногo, стихотворец не открывает. Уже в этом одном Херасков далеко отстоит от славных стихотворцев. Что может быть трогательнее и вместе прекраснее прощания Гектора с Андромахой в Илиаде?

Чтобы сделать поэму занимательнее, стихотворцы выдумывают разныя препятствия в намерениях своих героев. Таковыя препятствия производят в нас впечатления сильнейшие: они возвышают характер героя, способный к преодолению всех затруднений, ему представляющихся. Мы принимаем участие в его подвигах, следовательно, его неудачи должны на нас действовать. Сколько затруднений представляются Энею во время его странствования из Трои в Италию? С какими препятствиями борются греки под Троею? Но в главном предмете Россияды мы не встречаем ни малейшего препятствия. Зной и бури, неизвѣстно кем возбужденные и предсказанные пустыником, ни мало на нас не действуют. Всякий знает, что это выдумка, и выдумка самая неудачная; притом все это скоро и странным образом оканчивается. Иноземные рыцари, помогавшие казанцам, могли бы много затруднять подвиги Иоанна; но они друг друга убивают. У Хераскова нет никакой постепенности; у него все делается по словам священнаго писания; *рече и бысть*. Пустынный, желая в книге судеб показать Иоанну дела будущего его потомства, предсказывает ему опасности, ужасы, кои предстоят им на пути к храму.

Там встретишь пламенем зияющих змиев,
Висящие скалы, услышишь зверский рев,
Стези препутанны, как верви, кривизнами,
И камни, сходные движеньем со волнами.
Когда, вниманием не будешь подкреплѣн,
Падешь в развалины разбит и ослеплен
и проч.

Но тщетно будете искать описания сих опасностей:

Идущие все силы вновь подвигли,
И горные они вершины вдруг достигли.

Чтобы поэма производила надлежащее действие, лица оной должны иметь приличные им характеры. Это составляет труднейшую часть поэмы, потому то немногие стихотворцы умели надлежащим образом отделявать характеры своих героев.

Злой характер Сагруна был бы хорош в трагедии, но в эпической поэме он не может иметь места, ибо сей род поэзии должен возбуждать в нас удивление одним изображением высоких добродетелей. Впрочем, большая часть лиц в Россияде не имеет характеров. Иоанн, герой поэмы, имеет ли хотя малейшую черту, по коей можно было бы отличить его? Он представлен человеком слабым, который легко верит всему, что только его придворные ему ни скажут; между тем в делах его видна любовь к отечеству и благу народа. Он исполнен надежды на бога, но верит глупым предсказаниям какого-то старца. Разительная противоположность!

...Алей, обвиняемый в измене Иоанну, имевший сообщение с его неприятелями, любовник Сумбеки, является к нему, валяется у ног его, рассказывает какую-то небылицу; Иоанн бросает на него свирепый взгляд и вдруг называет его — другом. И это характер? Алей валяется у ног Иоанна.— Пристойно ли это! Положим, что он обязан ему своим счастьем, казанским престолом — но он царь, и должен действовать по царски:

Знай нравы всех людей: среди различных лет,
Пременил образ их, как теней быстрых след.

Прехожу в молчании все прочие лица поэмы, они совершенно бесхарактерны. Один только характер Палецкого несколько отделан: он любит отечество, надеется на бога и презирует опасности. Он отказывается от выгод, представляемых ему от Едигера с тем, чтобы он сделался магометанином и служил Казани. Особенно выразительны сии стихи:

Не угрожай ты мне мученьями, тиран!
Господь на небесах, у града Иоанн.

Песн. XI, ст. 65 и 66.

Обратимся теперь к лицам магометанским, кои в Россияде занимают немаловажное место. Они оттенены гораздо лучше русских, и чрез них-то Россияда может производить главнейшее действие поэм, то-есть, научать нас примерами высоких добродетелей. Но для чего находим мы сии добродетели в магометанах? Зачем делать их образцами нашего подражания? Тут нет ни сохранения правил эпической поэзии, ни моральной цели. Рема, супруга Исканарова умерщвляет Сеита, который хотел ее обезчестить, и, увидя труп своего супруга, пронзает себя кинжалом и умирает в его объятиях.

...Кажется, Херасков хотел всех магометан представить образцами добродетели: Гирей теряет зрение, оплакивая смерть друга своего, Алея. Не понимаю, с какой целью поэт вложил в уста его:

Сумбека! Зри теперь, и зрите христиане,
Какие могут быть друзья магометане.

Песн. X, ст. 401 и 402.

Даже и невольник — магометанин твердостью характера и преданностью к своему государю превосходит всех русских героев. Он предостерегает Алея от коварных замыслов Сумбеки и для спасения его от смерти жертвует своею жизнью. Отечественная поэма должна быть для нас училищем добродетели, но Россияда не имеет сего великого достоинства. Юноша, желающий быть истинным сыном отечества, будет искать в ней примеров великодушия, твердости, благоразумия, и у кого же должен он учиться сим добродетелям?— У Алея, Гирея и татарского невольника. Девушка должна подражать в добродетелях своего пола — магометанке. После сего можно ли, милостивая государыня, с хладнокровием слышать сих лжепатриотов, заставляющих нас почитать Россияду творением бессмертным.

...Что же касается до чудесного в Россияде, то Херасков даже не умел употребить его. Всевышний, ангелы, Магомет, языческие боги, аллегорические лица, волшебники — все принимают участие во взятии Казани; одни помогают казанцам, другие русским. Ни в одной поэме нет столь странного смещения. Они уничтожают взаимно свои замыслы. Особенно большую роль играют пустытники и аллегорические лица: иногда одно из них принимает на себя лице другого, например, безбожие представляется Иоанну под видом Магомета. Даже Алей является всех их сильнее: единым словом укрощает он стихии, возмущенные ими против Иоанна:

Теку на помощь им, прошу, повелеваю,
К ордынцам вопию, к россиянам зываю:
Смирились враги и бури, и вода.
Потом склонил мое стремление сюда.

Песн. VIII, ст. 251—254.

Известно, что сия часть требует вкуса весьма тонкого: все вымыслы должны иметь вид правдоподобия, без которого они делаются даже утомительными.

Строенье вымыслов, как призрак исчезает,
Коль сила истины его не проникает,—

говорит Гораций. Древние стихотворцы лучше нас могли пользоваться вымыслами, ибо к тому способствовала их мифология. Один из прекрасных вымыслов у древних стихотворцев есть низхождение героя в преисподние страны. Виргилий прекрасно описывает свидание Енея с Анхизом в полях Елисейских, где Анхиз показывает ему будущих его потомков. Один Волтер умел подражать этому. В Генриаде св. Лудовик представляет во сне Генриху IV изображение другого мира и королей, кои должны ему последовать. Но Херасков далеко протер свое подражание. Пустытник Вассиян ведет Иоанна на какую-то гору и в книге судеб показывает ему будущую

судьбу России. Это совершенная сказка. Виргилий основал свой вымысел на всеобщем мнении язычников, кои вход в подземные страны точно полагали в Италии; описание ада основано на их религии; Волтерова выдумка имеет правдоподобие. Но кто знает о пустынноике Вассияне, о храме и о книге судеб? Кто знает о всех сих обстоятельствах, коими Херасков хотел украсить свою поэму?

La vraie seule est aimable
Elle doit regner partout et meme dans la fable*.

Впрочем, и Волтер, желая подражать II книге Енеиды, где Еней рассказывает Дидоне свои похождения, заставляет Генриха IV путешествовать в Англию к королеве Елисавете и повествовать ей о своих победах.

Мы можем подражать, не будучи рабами!

Мне кажется, аллегорические лица не столько украшают поэму, сколько ее портят. Можно видеть богов, принимающих участие в судьбе какого-нибудь героя; можно без отвращения слушать их, когда они друг друга называют *собаками*, потому что стихотворцы языческие представляли своих богов в человеческой природе. Но аллегорические лица и высшие существа в христианских поэмах и странны и не у места. Например, россияне ворвались в Казань:

Корыстолюбие, как тень, явилось им:
Их взоры, их сердца, их мысли обольщает:
Ищите в граде вы сокровищей, вещает.
Затмилась разумы, прельстился златом взор.
О древних стыд времен! О воинства позор!
Кто в злато влюбится, тот славу позабудет.
И тверже сердцем он металлов твердых будет.
Прельщены ратники, приняв корысти яд,
Для пользы собственной берут, казалось, град.
Как птицы хищные к добыче устремились,
По стогнам потекли, во здания вломились:
Корыстолюбие повсюду водит их,
Велит оставить им начальников своих.

Песн. XII, ст. 478—491.

Весть о их грабеже дошла до Иоанна, он велит рубить обратившихся в бегство россиян. Тогда:

В румянном облаке *стыд* хищникам явился,
Корысти блеск погас и в дым преобразился,
На крыльях мужества обратно в град летят.
Песн. XII, ст. 572—574.

До сих пор вы видели, что в Россияде Херасков не наблюдал главных правил эпической поэмы; теперь посмотрите, знал ли он древние обыкновения описуемых им народов.

* Одна правда приятна, она должна господствовать всюду и даже в сказке (фр.).

Положим даже, что греческие художники были в Казани и что произведения живописи и ваяния могли украшать чертоги Сумбеки, но можно ли забыть, что закон магометов, кроме цветов, никаких изображений не позволяет? Сие тем для нас памятнее, что мы лишились множества произведений древних греческих художников, кои свирепые османы разрушили из привязанности к правилам своей веры.

Сумбека ведет Алея в сады, где видим *крытые алеи, фонтаны* и хороводы граций и амуров. Казанцам помогают против Иоанна четыре рыцаря:

Из Индии Мирсед, Черкешенник Бразин,
Рамида персянка и Гидромир срацин.
Песн. X, ст. 707 и 708.

Трое из них сражаются для того, чтобы получить руку Рамиды, которую отец обещал отдать тому из них, кто окажет более храбрости. Хераскову угодно было вселить дух рыцарства в народах азийских и превратить их в Дон-Кихотов. Можно ли без смеха видеть Гидромира, строго наблюдающего рыцарские уставы?

О царь! Ты рыцарских священных прав не зная,
Карашь узника, казнишь героя чая.
Он в поле предложил сражение тебе,
Стыдись робеть, меня имея при себе.
Песн. XI, ст. 75—79.

Но ни один Гидромир поступает как рыцарь; князь Курбский говорит дворянам муромским:

Храните рыцарский, герои, в бранах чин.
Песн. XI, ст. 317.

Можно быть снисходительным к великим художникам за их ошибки против времени: изящность их произведений заставляет нас забывать сии мелочи. Например, Рафаэль в картине, изображающей Иисуса в яслях, украсил тот сарай, в коем он находился, столпами коринфского ордена; но сия ошибка помрачает ли его славу? Вот гадания Сумбеки. Она:

Змию в котле варит, кавказский корень трет,
Дрожащею рукой извитый прут берет
И пламенным главу убрисом обвивает;
Луну с небес, духов из ада призывает.

Это похоже на гадания Дидоны в вывороченной Енеиде, но Херасков имел, конечно, намерение, совсем противное намерению г. Осипова.

Зачем Троекуров снимает доспехи с убитого им Рыцаря?— Это можно видеть из Римской истории. Чтобы понять слова Сента:

Там агнца черного в жертву я принес,—

довольно заглянуть в римские древности: там узнаем мы, что богам подземным приносились в жертву черные скоты.

Едигер раздирает свою ризу* и потом с посыпанною пеплом главою является ко Иоанну**.— Это обычай Иудеев.

Что скажут потомки наши, читая Россияду? Может быть, какому-нибудь антикварию вздумается доказывать, что казанские татары были язычники, что у них существовало рыцарство или что руссы весьма сходствовали с римлянами, и сошлется на Россияду. То не в праве ли они ему поверить? Не основываем ли мы иногда наших доказательств на каком-нибудь стихе Гомера или Virгилия?

Я бы одолжил еще свои замечания на Россияду, если бы не боялся вам наскучить. До сих пор я рассматривал ее в отношении к главным правилам эпической поэмы; в другом письме предложу вам мое мнение об ее слоге и красотах пиитических.

II

<Письмо второе>

...Не спору, что многие эпические стихотворцы, особенно новейшие, впадали в одинакие с Херасковым погрешности; по крайней мере в их произведениях есть много истинно пиитического: слог их имеет натуральную высоту, описания их живы, картины очаровательны. Мимоходом замечу, что в самом механизме стихосложения древние имеют пред нами важное преимущество: мера их при каждом стихе могла переменяться; напротив того шестостопные ямбы, коими обыкновенно пишут у нас эпические сочинения, всегда однообразны и даже утомительны. Не лучше ли бы принять для сего рода поэзии гекзаметры? Г. Капнист предложил было о том свое мнение, но его отвергли. Удачные переводы Гомера г. Гнедича удостоверяют нас в их достоинстве; их должно только усовершенствовать и приспособить к российской просодии.

Я имел уже случай упомянуть, что эпическая поэма требует слога высокого; это достоинство столько же в ней необходимо, сколько страстное в трагедии или смешное в комедии. Великие люди должны действовать образом отличным от людей обыкновенных; они должны возбуждать в нас чувствования высокие; но можно ли произвести их слогом обыкновенным? Впрочем, и сия высота не должна выходить из надлежащих ей пределов, в противном случае она превратилась бы в надутость и неестественность. В этом то, по всей справедливости, можно упрекать Хераскова: описания

* Песн. XI и XII.

** Песн. XII.

его всегда однообразны, сухи и даже иногда смешны. Видно, что стихотворец, так сказать, надувался и, желая казаться высоким, выходил из пределов возможности. Не странно ли, например, следующее, изображение сражающегося Озмара:

Тогда злодей полки как волны разделил,
На Троекурова всю ярость устремил.
Воитель в подвигах неукротимый, злобный,
Закинув на хребет свой щит луне подобный.
В уста вложив кинжал, и в руки взяв мечи,
Которы у него сияли как лучи.
Бежит.

Песн. X. ст. 583—589.

Не знаю, как Озмар мог сражаться с кинжалом *во рту!* Может быть Херасков думал, что искусство сражаться состоит во множестве оружия, в таком случае напрасно рыцаря и лошадь его не утыкал копьями. Следующее описание немного уступает этому:

Тогда, совокупясь как страшные стихии,
Четыре рыцаря пошли против России*,
Подобно *слившимся* четыре ветра вдруг,
Бунтуют Океан, летая с шумом вкруг,
Их *жадные* (?) мечи в *густой пыли сверкают*,
Рязят, свирепствуют, как страшны львы рыкают.**
Россияне уже хотели отступить,
Но силы новые пришли их подкрепить,
Бог волею своей, царь добрыми очами,
Вельможи твердыми и мудрыми речами***.

Песн. XI, ст. 227—236.

Представления одного или нескольких рыцарей, побивающих целое войско, принадлежат к нелепым сказкам времен рыцарских. Хераскову мало казалось, что четыре рыцаря обратили в бегство полки Россиян, он заставляет еще подкрепить бегущих: бога *своею волею*, царя *добрыми очами* (!!), а вельмож — *мудрыми речами!!!*

...Письмо мое сделалось бы слишком длинным, если бы я захотел вычислять все худыя места в Россияде. Справедливость требует также упомянуть о прекрасном описании царства Зимы в XII песне. Жаль только, что ее пребывание назначено на Кавказе, гораздо правдоподобнее и лучше было бы сделать ее царством Уральские горы и Ледовитое море. Может быть стих:

Там зримы кажутся вещаемы слова,

есть один из превосходнейших стихов, какие только когда-либо производили отличнейшие гении стихотворства.

* То есть против россиян.

** Мечи?

*** То есть пришли подкрепить.

...«Я нахожу только десять *сряду* хороших стихов в Россияде»,— сказал мне недавно общий наш приятель С., и едва ли он несправедлив. Сими десятию стихами начинается VII песнь:

Каким превратностям подвержен здешний свет!
В нем блага твердого, в нем верной славы нет:
Великие моря, леса и грады скрылись,
И царства многие в пустыни претворились:
Гремел победами, владел вселенной Рим,
Но слава римская исчезла яко дым,
И небо никому блаженства не вручало,
Которого б лучей ничто не помрачало.
Не может счастья не меркнуть красота,
И в солнце и в луне есть темные места.

Но и в этих стихах критика может найти погрешности:

Великие моря, леса и грады скрылись.

Переход от великих морей к градам, а особливо к лесам, весьма далек; должно было бы сказать: *леса, грады и великия моря скрылись*.

Херасков и Сумароков гонялись всегда за рифмою. Не она у них, как говорит Боало, была пленницею, но они у ней были пленниками. Да и подлинно, нигде не найдешь таких богатых рифм, как в сочинениях сих двух писателей. У Хераскова слову *христианство* кстати и некстати всегда рифмою *магометанство*. Впрочем, худые стихи в Россияде недолжно приписывать недостатку пиитического гения: необработанность нашего языка во времена Хераскова отчасти тому причину.

Теперь вы можете видеть, милостивая государыня, в каком состоянии у нас эпическая поэзия. Можно не обинуясь сказать, что мы не имеем еще истинно хорошей поэмы. Россияда недостойна тех громких похвал, коими ее до сих пор осыпали: еще менее того Владимир.